

ББК 67.3

В.С. Назарова

**ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» В
РАННЕСОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ**

Анализируя политические модели нашего времени, использующие понятие гражданского общества, следует помнить, что эти модели не только являются взаимно противоречивыми, но и демонстрируют относительную категориальную скудность. Кроме того, нуждается в прояснении вопрос о связи современных моделей с имеющимися богатыми традициями интерпретации понятия гражданского общества. Поскольку же эти традиции до сих пор не выявлены, остаются неисследованными также различия, существующие между новыми версиями указанного понятия и их историческими предшественниками. Таким образом, перенос в настоящее унаследованной от прошлого (или даже от нескольких различных типов прошлого) теоретической схемы, восприятие этой схемы как адекватной современным условиям является, по сути, актом произвольным и бездоказательным.

Первым важным шагом к восполнению названных упущений может послужить изучение концептуальной истории понятия «гражданское общество». Такая история призвана углубить и расширить категориальную структуру, используемую в современных исследованиях. Кроме того, она позволит выделить в данном понятии досовременные и современные слои, указать на его толкования, представляющиеся сомнительными и неадекватными для нашего времени. Конечно, концептуальная история не в состоянии устранить противоречия современного использования понятия, но она способна помочь увидеть, чем чреваты указанные противоречия и какой выбор из предлагаемых историей вариантов представляется ныне неприемлемым. Наконец, концептуальная история помогает уяснить место понятия «гражданское общество» в его различных употреблениях в той политической культуре, мотивационная сила которой еще не исчерпала себя в политической культуре эпохи демократических революций. В свою очередь, возрождение понятия гражданского общества является фактором, способствующим укреплению этой особой политической культуры.

Впервые понятие гражданского общества встречается у Аристотеля, называвшего его *politike koinonia* – политической общностью (сообществом). Калькой этого термина в латинском языке и явилось выражение *societas civilis* (гражданское общество). Данное понятие служило определением *полуса*, под которым подразумевался *телос* человека как «политического животного». *Politike koinonia* определялось как публичная этико-политическая общность свободных и равных граждан, существующая в условиях основанной на законе системы правления. Между тем сам закон считался выражением *этоса*, совокупности общезначимых норм и ценностей, определяющих не только политические процедуры, но и содержательную сторону жизни, строящуюся в соответствии с развитыми представлениями о совершенных добродетелях и формах общения [1].

Сегодня символическим выражением того, как далеко мы ушли от греческого определения, может послужить указание на отсутствие в понятии *politike koinonia* целого ряда смысловых нюансов и логических оппозиций. Прежде всего, понятие Аристотеля не улавливает устанавливаемого нами различия между государством и обществом. Может показаться, будто опровержением этого утверждения является наличие у Аристотеля понятийной оппозиции *polis oikos*, но *oikos*, домашнее хозяйство, означал в его философии остаточную категорию, ту природ-

ную среду, на фоне которой существовал *polis*. *Politike koinonia* логически являет собой лишь один *koinonia* из многих (возможно, к их числу принадлежит и *oikos*, и все вообще виды человеческих ассоциаций – от профессиональных до дружеских группировок). Существовало и более глубокое понимание, согласно которому *politike koinonia* есть всеохватывающая система социальных отношений, за пределами которой находятся лишь природные связи. Поэтому не следует думать, будто *polis* и *oikos* представляют две разные системы социальных или политических отношений. Во-первых, *oikos* не являлся правовым образованием; управлялся не законом, а методами деспотического правления или господством владыки-хозяина. Во-вторых, множество домашних хозяйств не предполагало наличия некоей системы: теоретически они должны были взаимодействовать между собой исключительно через *polis*: ведь через своих глав они *были включены* в *polis*. Что же касается экономических отношений за рамками домашних хозяйств, то они считались лишь чем-то дополнительным [2].

Вследствие этого понятие *politike koinonia* отличалось парадоксальностью. Этим термином обозначали одновременно и определенное одно *koinonia* в ряду многих, и *koinonia* как некое целое, части которого находятся вне его. Ключом к разрешению данного парадокса являлось то, что у греков отсутствовало второе различие: между обществом и сообществом. Как общее понятие *koinonia* служило для обозначения всех видов ассоциаций, независимо от того, насколько сплоченный, интенсивный и личностный характер носили взаимоотношения в рамках каждой из них. Применительно к понятию *politike koinonia* это означало, что последнее заведомо включало в себя все многообразие ассоциаций, групп и форм взаимодействия; отсюда сходство его с современным понятием «общества». Но и многообразия, и различия оказались составными частями модели, предполагавшей существование монолитной организации граждан, способных к полному единству действий – это ближе к нашему пониманию «сообщества», «сообщества обществ» («community of societies»). *Politike koinonia* представляло собой – по крайней мере в теории – уникальный коллектив, некую целостную организацию, объединенную общими целями, в основе которых лежало единство *этоса*. Участие всех граждан в «господстве и подчинении» представляло собой относительно незначительную теоретическую проблему, так как предполагало наличие единства целей, вытекающего из единого образа жизни.

В том, что описанные представления Аристотеля являются идеализированными, не приходится сомневаться [3]. Но важно, что именно это понятие положило начало традиции политической философии. Римский аналог *politike koinonia* – *societas civilis* – мы оставляем здесь без внимания, ибо, насколько можно судить, в сочинениях римлян данному понятию принадлежит лишь второстепенная роль. Более значимыми являлись средневековые латинские адаптации рассматриваемого понятия, последовавшие за переводами сочинений Аристотеля Леонардо Бруни. Хотя в ряде ранних интерпретаций, авторство которых принадлежало Альберту Великому и Фоме Аквинскому, наблюдалась тенденция ограничить понятие *societas civilis* обозначением средневекового города-государства как ближайшего аналога античного *полиса*, столь корректное употребление данного термина не прижилось: вероятно потому, что исконно греческое понятие распространялось также и на следующий уровень – уровень верховной власти. Лишь в Италии города-государства приблизились к полному суверенитету, но и это был суверенитет *de facto*, а не *de jure*. В результате, когда введенное греками понятие стали широко использовать, то в различных источниках появился термин *societas civilis sive res publico* (гражданское общество или общественное (общее) дело, республика), которым обозначали все – от феодального уклада, предполагающего наличие множе-

ства разрозненных суверенных сообществ (наследственных владений, корпоративных объединений, самоуправляющихся городов), до средневековых царств и империй. Незаметно столь расширительное толкование термина породило такую степень *плюрализации* изначального понятия, что его уже едва ли можно было снова собрать в единое целое.

Второй понятийный сдвиг, теперь уже в сторону *дуализации*, проявился в момент одновременного возрождения монархической автономии и публичного права, благодаря чему возникло намерение (надо сказать, неосуществимое) приспособить старинную идею республики (которую отождествляли с *societas civilis*) к *stadndestaat* с целью обеспечения равновесия между новыми полномочиями монарха и силой организованных корпоративных сословий, объединивших в своих рядах всех тех, кто обладал властью и определенным статусом в феодальном обществе. Однако, как подчеркивает О. Бруннер, речь в данном случае шла не о разделении на государство и общество. Гражданское или политическое общество понималось здесь как дуалистическая организация самого государства: с одной стороны, «государь», с другой – «страна», «народ», «нация» (на деле, под каждым из этих терминов понимались привилегированные сословия). Если согласиться с утверждением Маркса в 1843 г. о том, что старое корпоративное общество было непосредственно политическим, тогда в эпоху, предшествующую абсолютизму, понятие гражданского общества соответствовало своему прообразу – греческому *politike koinonia*, несмотря на огромные различия, имеющиеся между двумя рассматриваемыми типами обществ.

Переход к абсолютизму обозначил водораздел между традиционным и современным понятиями гражданского общества. Причина здесь в двух хорошо известных и взаимодополняющих процессах. Речь идет, во-первых, о том, что постепенное становление системы единоличного правления суверена там, где ранее имело место сосуществование монарха в качестве *primus inter pares* рядом со множеством других обладателей власти (система классического феодализма), и превращение старшего партнера в дуалистической системе власти (*stadndestaat*) в монопольного владельца легитимных средств насилия заложили основы современного государства. Во-вторых, деполитизация прежних обладателей власти – сословий и корпораций – не лишила их организационно-корпоративного статуса, породив тем самым истинно сословное общество. Правда, данное разделение на государство и неполитическое общество могло происходить и происходило также и другими путями, дополнявшими порой вышеописанный исторический процесс. Одним из таких путей являлось, например, появление независимых религиозных институтов, к которым государства светского типа такие, как североамериканское государство относились с терпимостью. Другой путь состоял в становлении новых форм частной экономической деятельности вне сферы меркантилистской политики государства (например, Великобритания). Однако в историческом плане не только наиболее ранним, но и наиболее существенным (по крайней мере, на европейском континенте) являлся именно переход от корпораций эпохи *stadndestaat* к корпорациям деполитизированного сословного общества. Еще до того, как абсолютистскому государству удалось – во имя обретения статуса единого субъекта государства – дезорганизовать и уравнивать между собой своих корпоративных соперников, началось и встречное движение по реорганизации «общества» как некоего противовеса государству; таковое вылилось в организацию ассоциаций и форм общественной жизни, способных черпать свои силы из независимости сословий, из религиозного раскола, а также из экономического предпринимательства. Но каковыми бы ни были их источники, все они являлись воплощением новых эгалитарных и светских организационных принципов [4]. Несомненным является

то, что установившее новые формы общественной жизни «общество» эпохи Просвещения явилось раннемодернистским прототипом гражданского общества.

Конечно, политическая философия, стремящаяся сохранить отождествление гражданского и политического общества, не сразу заметила появление новой формы социальной публичной сферы. Было выдвинуто три или четыре альтернативных видения создавшегося положения. Во-первых, можно было, как это сделал Жан Боден, попытаться продолжить (невзирая на вполне очевидные для себя самого радикальные исторические перемены) придерживаться сословно-государственнического (*stadndestaatliche*) представления о *res publica sive societas civilis sive societas politicus* (республика или гражданское общество, или политическое общество). Перенесенное на структуру «абсолютная монархия – сословное общество», это представление давало ложную интерпретацию этому новому формулирующемуся типу дуальности, хотя в иных случаях Боден выступал в ее защиту. Как бы то ни было, указанная модель продолжала существовать в Германии и в XVIII в.

Во-вторых, современное государство можно было отождествить с общественным благосостоянием (*commonwealth*) или гражданским (политическим) обществом. Такова была позиция Томаса Гоббса, полагавшего, что власть суверена является единственным гарантом «социальной» связи между отдельно взятыми людьми, по природе своей асоциальными, но рациональными [5]. Согласно теории Гоббса, общественный договор приводит к созданию государства, но не общества. И только государство своей властью обеспечивает то слияние (*fusion*) отдельных людей, которое и является обществом. Хотя эти идеи Гоббса явились всего лишь приближением к воззрениям греков, разработавших концепцию политического общества как некой неделимой системы власти, вскоре Гоббс пришел к осознанию того, что данная античная концепция исходила из представления о некоем вытекающем из *этоса* нравственном законе, а не позитивном праве, сводящемся только к законодательным актам и властным указам. Поэтому позже, в «Левиафане», он практически обошелся без понятия гражданского общества (или без того нормативного представления, согласно которому «политическое тело» составляют свободные и равные индивиды). Тем не менее, отождествление государства и гражданского общества сохранилось кое-где в англо-американской литературе вплоть до наших дней.

Третье альтернативное видение данной проблемы предполагало разрушение старой формулы *societas civilis sive politicus sive res publica* с сохранением отождествления политического общества с обществом гражданским, но с противопоставлением обоих государству. Джон Локк, определяя продукт общественного договора как «политическое или гражданское общество», продолжает линию раннего Гоббса, не представляющую собой разрыва с прежней традицией. На первый взгляд его концепция подразумевает даже и очевидное отождествление «политического тела» с правительством. Между тем Локк определенно стремится провести различие между «правительством» и «обществом». Передача власти обществу для него не то же самое, что передача власти правительству, «которое общество поставило над собой»; еще более отчетливое различие устанавливает он (в отличие от Гоббса) между «разрушением общества» и «разрушением правящей инстанции». Характерно, однако, что в данном вопросе Локк сохраняет тесную связь с античным понятием, говоря об обществе единой политики, возникающем в результате «соглашения о том, чтобы соединиться и действовать как одно тело». Данная способность существовать и действовать как одно тело все еще приписывается им законодательной власти правительства. Разрушение законодательной власти он предлагает считать концом общества; однако при этом Локк непоследовательно приписывает тому же самому обществу способность создания нового законодательного органа в случае разрушения старого или же в случае, когда старый орган утратил доверие.

Концепция Монтескье отличалась большей историчностью. В ней соединились характерное для XVIII в. представление о двух типах договора (общественном и государственном) и существовавшее в римском праве разделение гражданского и публичного права (последнее именовалось Монтескье «государственным правом»). Если государственное право регулирует взаимоотношения правителей с теми, кем они правят, то в компетенции гражданского права находятся вопросы отношений между членами общества. Соответственно, Монтескье вводит различие между правительством (*l'etat politique*) и обществом (*l'etat civile*). В представленной Монтескье концепции общества мы сталкиваемся с измененной терминологией. В контексте монархического правления (являвшегося, в его представлении, современным государством) под обществом понимаются то «промежуточные власти», то «политические сообщества», то «общества либо сообщества», полученные в наследство от эпохи сословного раздвоения.

Таким образом, выработанная Монтескье антиабсолютистская стратегия в еще большей степени опиралась на идею общества, построенного по образцу общества традиционного, иерархического, какое он и стремился возродить к политической жизни, чем даже понятие политического общества Локка, в котором, по крайней мере, присутствовало представление об изначальном равенстве статусов. Стоя на позициях Просвещения, Монтескье в полемических целях, хотя и весьма непоследовательно, говорил о будущем разделении государства и общества, в то время как Локк изменил само определение общества в плане идеи выводимого из всеобщего естественного права формального равенства. Несмотря на известную идеологичность их концепций (Монтескье все еще являлся выразителем мировоззрения привилегированных, но деполитизированных сословий; Локк же отражал в своем учении мировоззрение нового статусного строя, все более основывающегося на частной собственности), в концептуальном плане оба этих философа проделали важную подготовительную работу, создавшую предпосылки для модернизации понятия гражданского общества. Разработанные ими концептуальные системы по своему значению выходили за те идеологические рамки, которыми ограничивалось их первоначальное изложение.

Концепция, обозначенная выше просвещенческим представлением об «обществе» (как противовесе государству) быстро вышла за пределы того, что было изначально предложено в теориях Локка и Монтескье. Можно сказать, что по мере того, как в существовавших тогда салонах, кафе, масонских ложах и клубах складывалось полемическое представление о «противостоянии общества государству», и антиабсолютистская риторика (Монтескье), и борьба с привилегиями (Вольтер) слились в едином представлении о противостоянии (гражданского) общества, состоявшего из формально равных, независимых индивидов – этих единственных обладателей прав, государству. Полное свое самостоятельное развитие эта концепция получила в ряде революционных концепций естественного права. В сочинении Томаса Пейна «Здравый смысл», в различных американских биллях о правах, во французской Декларации прав человека и гражданина – всюду проводилось четкое противопоставление индивидуалистического, эгалитарного общества правительству (и даже конституционному государству), и в качестве единственного источника легитимной власти признавалось общество.

После «славной революции» в Англии не совсем четкое отделение общества от правительства, произведенное Локком, постепенно было вовсе размыто. То, что раньше считали «обществом», теперь приобрело черты государства с последующим слиянием парламентской представительной и исполнительной ветвей власти. Термин «общество» как противоположность «государству» стал обозначать исключительно высшее, благородное общество, этаким заповедник хороших манер и

влиятельности, лишенный какого бы то ни было политического звучания. Вообще же термин «гражданское общество» сохранился как традиционно тождественный политическому обществу или государству. Новый оттенок этому тождеству был придан мыслителями шотландского Просвещения – в частности, Фергюсоном, Юмом и Смитом, – усматривавшими существенный признак гражданского или «цивилизованного» общества не в его политической организации, а в организации им материальной цивилизации. Этим был сделан шаг в направлении дальнейшего отождествления (или редуцирования) – речь идет о сведении гражданского общества к обществу экономическому, что представляет собой обратное предпринятому в свое время Аристотелем, исключившим экономику из *politike koinonia*.

Французские и британские концепции оказали большое воздействие на Германию через работы Канта и целого ряда менее значительных авторов. Однако с точки зрения подготовки почвы для появления теории Гегеля немалую роль сыграл также и определенный интеллектуальный консерватизм, характерный как для политической, так и для идейной истории Германии. Мы имеем в виду сохранение в понятии «*neustandische Gesellschaft*» (новосословное общество) характерного для Монтескье внимания к промежуточным структурам или силам: *Stände* или сословия (в частности, *der bürgerliche Stand*) должны были основываться на профессиональной мобильности и заслугах, а не на происхождении и наследовании; кроме того, речь идет об определенной разновидности конституционализма, представлявшего собой модернизацию, а не устранение присущей *Ständestaat* дуальности. Тем не менее, попытка модернизировать понятие сословий была оттеснена на задний план тем воздействием, которое возымело кантовское переосмысление понятия гражданского общества. Под гражданским обществом Кант понимал общество, основанное на универсальных правах человека, выходящих за рамки любых частных правовых или политических систем. В кантовской философии истории постулировалось некое всеобщее гражданское общество, основанное на принципе господства права, как *телос* человеческого развития. Кант однозначно отметал (в духе французской революции) любые компромиссы с корпоративными и сословными силами эпохи абсолютизма. На место прежнего понятия Кант поставил понятие гражданского общества, *staatsbürgerliche Gesellschaft* (государственно-гражданское общество), осмысленное ими в духе французской Декларации 1789 г.

Таким образом, к началу XIX в., с точки зрения концептуальной истории, анализирующей герменевтическую структуру наших понятий, сложились важнейшие теоретические подходы к теории гражданского общества, сохранившие вплоть до наших дней актуальность и подарившие нам сегодня способность к глобальному интеллектуальному освоению действительности.

Гражданское общество сегодня мыслится как важнейший элемент демократической политической системы, предполагающий активное вовлечение граждан в общественную жизнь, их искреннюю заинтересованность в общественных делах и проблемах. В последние годы и в западных демократиях, и в странах демократического транзита концепция гражданского общества как «власти народа», как идеи политической инициативы, направленной снизу вверх, пользуется крайней популярностью.

В настоящее время существует два базовых подхода к осмыслению сущности гражданского общества. Прежде всего, в нем можно видеть определенную систему ценностей, разделяемых гражданами данного социума. Иными словами, гражданское общество есть определенное качество его граждан. Согласно этому взгляду, разделяемыми гражданами ценностями являются солидарность, доверие и толерантность: граждане помогают и доверяют друг другу, уважают мнение других, даже не соглашаясь с ним.

Членство в гражданском обществе требует равных прав и обязанностей для всех. Это достигается «горизонтальными связями взаимности и кооперации, а не вертикальными связями авторитета и подчиненности». Граждане взаимодействуют как равные, а не как патрон с клиентом или правитель с подданными. Однако они не должны быть альтруистами, самозабвенно несущими «все свое» на алтарь общества. Граждане должны обладать «правильно понимаемым интересом», то есть вписывать свои потребности в контекст общественных нужд.

Нормы и ценности гражданского общества воплощаются и реализуются через конкретные социальные структуры и формы практической деятельности. Поэтому гражданское общество можно понимать также как общественный сектор, который расположен между семьей и государством, занятый организациями, отделенными от государства, обладающими автономией по отношению к нему и формируемыми гражданами на добровольной основе для защиты и продвижения их интересов и ценностей.

Сегодня исследователи единодушны в том, что следует отличать гражданское общество от политического и экономического общества. Гражданское общество нередко определяют через противопоставление государству. В своем крайнем выражении этот подход причисляет к гражданскому обществу все структуры и институты, которые не являются составляющими государственного аппарата. Бинарная оппозиция «гражданское общество – государство» получила особое признание в последние десятилетия XX века в связи с кризисом и последующим падением диктаторских и авторитарных режимов в Латинской Америке и Восточной Европе.

В целом взаимоотношения государства и гражданского общества довольно разнообразны. Во-первых, гражданское общество связано с государством генетически. На определенном этапе общественной эволюции государственная власть отказывается от прямого регулирования целого ряда сфер общественной жизни, предоставив их самим гражданам. Иными словами, гражданское общество вышло из недр государства, и потому говорить об абсолютном противоречии между ними не приходится. Во-вторых, гражданское общество уравнивает государственную власть, не позволяя ей претендовать на монопольное управление. Оно сдерживает притязания целого (государства и его политики), ориентируясь на частное и отдельное (личность и ее интересы). Тем самым более или менее успешно сглаживается присущая государству приверженность коллективам и их совокупностям. В-третьих, гражданское общество способно дополнять государственную власть, возлагая на себя ее традиционные обязанности и функции [6]. В условиях наметившегося в последнее время падения престижа национальных государств, стимулируемого глобализацией, данная тенденция проявляет себя все более отчетливо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Козн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003. – С. 132.
2. *Polanyi K.* Aristotle Discovers the Economy // Primitive, Archaic and Modern Economies. Ed. By G. Dalton. Boston, 1968. – P. 118.
3. *Finley M.J.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. – P. 123.
4. *Koselleck R.* Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, 1988. – P.25.
5. *Parsons T.* The Structure of Social Action. New York, 1949. – P. 89.
6. *Бусыгина И.М., Захаров М.В.* Гражданское общество // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. 2004. № 3 (30). – С. 100.